

Келтуяла Василий Афанасьевич

**Курс истории русской
литературы. Пособие для
самообразования**

Часть 1. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Афанасьевич К.**
Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования: Часть 1. Книга 2 / Кел-
туяла Василий Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 958 с.

ISBN 978-5-519-88827-1

ISBN 978-5-519-88827-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ исторіи человѣчества не было, и русскій народъ, подобно всѣмъ другимъ народамъ земного шара, съ образомъ мнѣческаго „народа“, созданнаго русской демократіей, ничего общаго не имѣетъ.

Всякій народъ, уже въ моментъ образованія государства, представляетъ изъ себя сложное цѣлое, состоящее изъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга частей. Государственный строй въ томъ и заключается, что коллективное цѣлое, называемое народомъ, состоитъ изъ двухъ классовъ: правящаго и народной массы, называемой народомъ въ узкомъ смыслѣ слова. Эти два класса, въ свою очередь распадающіеся на отдѣльныя группы, во всѣхъ отношеніяхъ неравномѣрны другъ другу. По численности, правящій классъ ничтоженъ (онъ составляетъ около 1% всего населенія), а народная масса огромна (она образуетъ остальные 99% населенія *)). Иное отношеніе существуетъ въ распредѣленіи между обоими классами исторической силы и историческаго безсилія. Дѣйствительная историческая сила, выражающаяся въ экономическомъ и общественно-политическомъ преобладаніи, принадлежала не народной массѣ, а древнерусской аристократіи: „вѣвшимъ“ и „лучшимъ“ людямъ, княжеской дружинѣ, князьямъ, боярамъ и дворянамъ, митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ, монахамъ (за немногими исключеніями, духовныя лица этихъ чиновъ, по своему происхожденію, принадлежали къ аристократіи). Древнерусская аристократія, ничтожная по количеству составлявшихъ ее лицъ, была средоточіемъ древняго общественнаго опыта, знаній, активности и инициативы, власти и богатства. Наоборотъ, народная масса, огромная по своей численности, была средоточіемъ общественной неопытности, невѣжества, пассивности, неподвижности, безправія и бѣдности. При такомъ глубокомъ различіи между обоими классами, народной массѣ

*) Образъ могучаго и грознаго народа-творца возникъ у русской демократіи въ значительной степени благодаря этой количественной неравномѣрности.

мудрено было выступать на историческую арену въ качествѣ творца культуры, поэзіи, идей и т. д.

Кому на Руси принадлежала инициатива принятія византійскаго христіанства, этого величайшаго въ древности культурнаго начала? Не „народу“, который никакой необходимости въ немъ не испытывалъ, а правящему классу съ княземъ во главѣ; „народъ“ же, ничтожная часть котораго была по приказанію Владимира Св. крещена въ городахъ, продолжалъ еще многіе вѣка пребывать въ томъ язычествѣ, которое создано было патріархально-родовымъ и выдѣлившимся изъ него семейнымъ бытомъ (кн. 1-ая, §§ 21 — 22; кн. 2-ая, § 180, примѣчаніе). Кто на почвѣ византійскаго христіанства создавалъ новыя формы жизни, монашество, отшельничество, кто создавалъ русское христіанское міровоззрѣніе, кто вырабатывалъ начало внутренняго совершенствованія, кто противопоставлялъ этому началу начало внѣшняго аскетизма, кто создавалъ обширную свѣтскую и духовную литературу? За ничтожными исключеніями, не представители „народа“, въ смыслѣ престопагодія, а князья, бояре, дворяне, митрополиты, епископы, игумены, монахи.

Относительно письменныхъ произведеній не трудно убѣдиться въ томъ, что здѣсь народническія представленія о „народномъ“ творчествѣ черезчуръ противорѣчатъ исторической дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, нужна огромная доля фантазерства, чтобы, при теперешнемъ состояніи русской исторической науки, представлять митр. Иларіона, Владимира М., автора „Слова о полку Игоревѣ“, редакторовъ древнерусскихъ лѣтописей, Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго, Ивана Пересвѣтова и т. д. и т. д. выразителями стремленій и идеаловъ „народа“, а не правящаго класса, и притомъ разнородныхъ группъ его.

Иное дѣло устное творчество: здѣсь точка зрѣнія „народнаго“ творчества царить, не вызывалъ никакого протеста даже и тамъ, гдѣ его можно было бы ожидать. Между тѣмъ и

относительно устнаго творчества необходимо имѣть въ виду, что опять, за нѣкоторыми исключеніями, оно большею частью обязано своимъ происхожденіемъ не „народу“.

Главный видъ устнаго творчества, былевой эпосъ, сложился не въ избахъ мужиковъ, какъ полагають лица, находящіеся подъ властью народнической миеологіи, а за княжескимъ пиршественнымъ столомъ, въ средѣ „бояновъ“, особаго класса профессиональных пѣвцовъ-поэтовъ, выдѣлившихся изъ древнерусской аристократіи (вн. 1-ая, §§ 164—175) *). Другой важный видъ устнаго творчества, духовные стихи, былъ созданъ не убогими странниками-каликами, а образованными духовными и свѣтскими лицами изъ высшаго класса (вн. 2-ая, § 180). Заговоры? Праздничныя пѣсни? Эти произведенія сложились еще въ патріархально-родовую эпоху. Кто создавалъ ихъ? Патріархально-родовыя общества состояли изъ старѣйшинъ, которымъ принадлежала свѣтско-духовная власть, и изъ подчиненнаго имъ „народа“. Кто занимался организаціей отношеній къ богамъ и, слѣдовательно, устанавливалъ праздники, вырабатывалъ обряды, создавалъ словесныя формулы—заговоры, гимны, пѣсни? Странно было бы, если бы руководящая роль принадлежала руководимой неопытной массѣ. Для чего же въ такомъ случаѣ этой массѣ нужны были старѣйшины? Свадебныя пѣсни? Первоначально онѣ сложились въ кругу женъ старѣйшинъ,

*) „Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обшпаннымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили пѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время прожпвали въ немъ московскіе бояре, почевали казаки, и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился непрехотливый олопецкій крестьянинъ“. (Вс. Миллеръ. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. VI). Эти слова, сказанныя Вс. Миллеромъ лѣтъ 20 тому назадъ, могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для установленія подлиннаго творца былевого эпоса. Но въ атмосферѣ народнической миеологіи они погибли, и творцомъ былъ имъ упорно считается „народъ“, представляемый въ образѣ не то брянскихъ, не то олопецкихъ мужиковъ...

тѣхъ женъ, которыя добывались съ бою, или были похищаемы. Сказки? Уже дѣйствующія лица, изображаемыя въ сказкахъ — цари, царевичи, царевны, короли, королевичи, королевны — и роскошная обстановка, среди которой они дѣйствуютъ, показываютъ, что и этотъ родъ произведеній сложился въ аристократической средѣ, а не въ „народной“. И т. д.: всѣ роды и виды устнаго творчества зародились не въ народной массѣ, а въ ея верхахъ. На этомъ основаніи я въ своемъ „Курсѣ“ избѣгаю выраженій „народная словесность“, „народная поэзія“, „народное творчество“: эти термины внушаютъ мысль о существованіи какого-то таинственнаго, чуть не сверхъестественнаго, коллективнаго творчества, создаютъ ложное убѣжденіе въ томъ, что устные произведенія созданы „народомъ“, въ смыслѣ простонародія, крестьянами, мужиками *). Въмѣсто этихъ выраженій я предпочитаю употреблять такія, какъ „устное творчество“, „устная поэзія“, „творчество профессиональных пѣвцовъ-поэтовъ“ и т. д.

Итакъ, подлиннымъ творцомъ древнерусской національной культуры, древнерусской литературы и древнерусскаго міровоззрѣнія былъ не „народъ“, представляемый въ демократическихъ и простонародныхъ или крестьянскихъ очертаніяхъ, а небольшая часть народа, именно его высшій, правящій классъ.

Что же дѣлалъ въ допетровское время „народъ“, въ смыслѣ низшихъ классовъ населенія? А вотъ что.

Во-первыхъ, онъ велъ подѣ начальствомъ своей аристократіи тяжелую трудовую жизнь, содержалъ себя и аристократію. Продолжительный трудъ поглощалъ весь досугъ смерда, чернаго человѣка, холопа и т. д., и имъ было не до культур-

*) Насколько сильно это убѣжденіе, доказывается появленіемъ книгъ, имѣющихъ заглавіе „Народная словесность“ и представляющихъ древнерусскія устные произведенія аристократическаго происхожденія произведеніями мужицкаго творчества. Если такія книги сопровождаются иллюстраціями, то въ нихъ вы найдете большею частью изображенія крестьянъ и крестьянокъ, ихъ домовъ и т. д.—результатъ указаннаго убѣжденія.

наго или идейно-литературнаго творчества: смердъ, черный человекъ, холопъ и т. д. довольствовались тѣми вультурными традиціями и формами устныхъ произведеній, которыя были усвоены ихъ предками въ патріархально-родовую эпоху, и въ эти традиціи и формы они медленно и съ великимъ трудомъ вливали новое содержаніе, простонародно-демократическаго характера. Къ XVIII в. это новое содержаніе пріобрѣтаетъ довольно рѣзкій оттѣнокъ: въ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ простой народъ разрабатываетъ, главнымъ образомъ, проблемы о богатствѣ и бѣдности, о долѣ и судьбинѣ.

Во-вторыхъ, небольшая часть простонародія, главнымъ образомъ, городская, наиболѣе тѣсно соприкасавшаяся съ аристократіей, образуетъ въ лицѣ по преимуществу нѣкоторыхъ діаконѣвъ и священниковъ свою интеллигенцію, которая воспринимаетъ міровоззрѣніе, созданное аристократіей, и подвергаетъ его переработкѣ на демократическихъ началахъ: создается рядъ міровоззрѣній, получившихъ названіе ересей стригольнической и жидовствующихъ. Наиболѣе послѣдовательно отношеніе простонародной интеллигенціи къ формамъ жизни и міровоззрѣнію, выработаннымъ древнерусской аристократіей, выразилось въ ученіи холопа Феодосія Косого. Между простонародной интеллигенціей и народной массой, по существу, проникнутой еще язычествомъ, не было ни внѣшней ни внутренней связи, и потому жестокія репрессіи, обрушившіяся на стригольниковъ и жидовствующихъ, не вызвали въ массѣ никакого движенія въ ихъ пользу. Тѣмъ не менѣе, идеи, выработанныя простонародной интеллигенціей, попали въ народную массу и стали въ ней медленно распространяться.

Въ-третьихъ, древнерусское правительство нѣкоторыми своими мѣропріятіями дало сильный толчокъ къ распространенію продуктовъ аристократическаго идейно-литературнаго творчества въ народной массѣ.

1) *Первымъ* такимъ толчкомъ было гоненіе, предпринятое правительствомъ на профессиональных пѣвцовъ-поэтовъ, из-

вѣстныхъ подъ именемъ скомороховъ. Это гоненіе, заставившее скомороховъ броситься на дальнія окраины Московскаго государства, въ крестьянскую среду, повело къ тому, что при дворахъ московскаго царя, московскихъ бояръ и купцовъ исчезаетъ пѣніе былинъ (историческихъ пѣсень); былины (историческія пѣсни) заносятся въ крестьянскую среду и здѣсь подвергаются вліянію простонародной крестьянской стихіи. На этой стадіи своей исторической жизни большинство былинъ записывается любителями и изслѣдователями, и эта стадія, протонародно-крестьянская, въ эпоху развитія у насъ демократическихъ стремленій, становится основаніемъ для объявленія устнаго творчества „народнымъ“ и объясненія его въ народническомъ духѣ. Подлинный творецъ былинъ не подозрѣвается въ это время *).

2) *Вторымъ* толчкомъ было другое гоненіе, предпринятое правительствомъ противъ національнаго московскаго міровоззрѣнія, которое создавалось съ конца XV в. до 80-хъ гг. XVI в. правительственной дворянской партіей, іосифлянами. Это міровоззрѣніе въ Смутную эпоху потерпѣло крушеніе, и въ правящемъ классѣ зарождается грекофильство въ связи съ симпатіей къ южно-русскому просвѣщенію. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторыя стороны русской церкви реформируются при помощи южно-русскихъ ученыхъ и греческихъ іерарховъ на новогреческій ладъ. Іосифлянское міровоззрѣніе объявляется противоправительственнымъ. Его приверженцы, которыми къ половинѣ XVII в. стали нѣкоторые посадскіе и сельскіе священники, подвергаются преслѣдованіямъ и, подобно скоморохамъ, бѣгутъ въ глухія мѣста, въ протонародную среду, куда заносятъ іосифлянство и іосифлянскую литературу. Эта послѣдняя стадія въ исторіи іосифлянства, извѣстная подъ именемъ „раскола“, была понята и

*) Тотъ же историческій процессъ, но въ значительно болѣе смягченномъ видѣ, происходитъ съ духовными стихами и другими видами устнаго творчества.

истолкована, какъ общее состояніе всего русскаго народа до реформы Никона. Подлинный творецъ іосифлянства былъ забытъ.

Такъ созданъ образъ русскаго „народа“, творца національной культуры, національной литературы, національной поэзіи, національнаго міровоззрѣнія. „Народъ“, въ смыслѣ простонародной массы, выступилъ передъ глазами изслѣдователей и публицистовъ съ культурными и идейными чертами далекаго прошлаго и былъ принятъ за творца всѣхъ тѣхъ культурныхъ явленій и продуктовъ идейно-литературнаго творчества, которые были найдены въ его средѣ...

Въ томъ, что значительная часть народной массы усвоила обломки древнерусской аристократической культуры и созданнаго ею міровоззрѣнія, нельзя не видѣть исторической силы послѣдней. Въ то же время современное общераспространенное признаніе этихъ обломковъ за продукты творчества „народа“ представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи русской литературы, публицистики и науки XVIII — XX вв.: въ немъ проявляется изумительная культурно-идейная мощь древнерусскаго правящаго класса, не прекратившаяся и въ началу XX в...

Точка зрѣнія, изложенная на предыдущихъ страницахъ, выработалась у меня постепенно. Когда я составлялъ 1-ую кн. „Курса“, она у меня только намѣчалась. Этимъ объясняются въ ней нѣкоторые слѣды народнической міѳологіи. Такъ, я признаю еще въ ней устную лирику, сказки, пословицы продуктами несуществовавшаго коллективнаго, общенароднаго творчества.

Сожалѣю, что мнѣ не пришлось воспользоваться блестящими обобщеніями изъ „Русской исторіи“ М. Н. Покровскаго, особенно освѣщеніемъ роли, которую играла московская

буржуазія: М. Н. Покровскому удалось показать, что эта роль была несравненно болѣе яркой, нежели предполагали предшествующіе историки и изслѣдователи. Между прочимъ, интересы московской буржуазіи едва ли не имѣли рѣшающаго значенія въ исторіи паденія Новгорода.

В. Келтуяла.

Neuvola.
26 іюля 1911 г.

РS. Лицъ, желающихъ сдѣлать по поводу „Курса“ какіе-либо запросы или замѣчанія, прошу обращаться письменно на имя Вас. Аѳ. Келтуялы по слѣд. адресу:

Спб. Книжный складъ М. М. Стасюлевича. В. О. 5 л.,
д. 28. Лѣтомъ, между 21 мая и 21 августа: Мустамяки,
Финл. ж. д. Неувола.

Оглавление.

Книга вторая.

§§	СТРАИ.
1—213. ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ. Эпоха удѣльнаго литературнаго творчества	3—538
1. Обь эпохъ удѣльнаго литературнаго творчества	3— 3
2— 43. Удѣльная Русь	3—103
2. Обь Удѣльной Руси	3— 3
3— 20. Глава первая. Новгородско-Псковская Русь	4— 59
3. Новгородъ и его территорія	4— 6
4. Населеніе	6— 7
5. Общественный трудъ	7— 11
6. Техника общественнаго труда	11— 13
7. Историческія условія, содѣйствовавшія развитію особенностей Новгородско-Псковской Руси	13— 15
8. Общественные классы-сословія въ Новгородско-Псковской Руси	15— 15
9. Болре	15— 17
10. Житыи люди и купцы	18— 19
11. Черные люди	19— 23
12. Полусвободный и несвободный классы населенія	23— 24
13. Духовенство	24— 33
14. Положеніе жепщины	33— 34
15. Политическій строй Новгородско-Псковской Руси	34— 40
16. Борьба партій въ Новгородѣ	40— 47
17. Промышленно-военные походы боярства	47— 51
18. Псковъ	52— 54
19. Просвѣщеніе въ Новгородско-Псковской Руси	54— 57
20. Паденіе Новгородско-Псковской Руси	57— 59
Библиографія	59— 59
21— 42. Глава вторая. Окско-Волжская Русь	60—103
21. Окско-Волжская Русь, ея территорія, природа и населеніе	60— 61
22. Окско-Волжская Русь до половины XIII в.	61— 63
23. Общественный трудъ въ Окско-Волжской Руси	63— 66
24. Техника общественнаго труда	66— 67
25. Окско-Волжская Русь отъ половины XIII в. до XVI в.	67— 68
26. Земледѣліе, какъ новое творческое начало	68— 70
27. Развитіе вотчинно-феодалнаго государства	70— 74
28. Общественные классы въ Окско-Волжской Руси	74— 74

§§		СТРАН.
29.	Бояре и вольные слуги	74— 78
30.	Дворянство	78— 79
31.	Купцы-гости	79— 79
32.	Черные люди	79— 81
33.	Полусвободный и несвободный классы населения	81— 82
34.	Духовенство	82— 86
35.	Положение женщины	86— 87
36.	Политический строй Окско-Волжской Руси	87— 91
37.	Московская Русь и ее развитие	91— 98
38.	Просвещение в Окско-Волжской Руси	98— 99
39.	Просвещение в Москвѣ и болгаро-сербское влияние	100—101
40.	Флорентийская унія	101—103
41.	Начало западно-европейскаго влияния	103—103
42.	Новгородско-псковское влияние	103—103
	Библиографія	103—103
43.	Литература второго періода и ее дѣленіе.	103—104
44— 49.	ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Литературныя отраженія татарскаго нашествія	104—111
44.	О литературныхъ отраженіяхъ татарскаго нашествія	104—105
45.	Сказаніе о битвѣ при Калкѣ	105—106
46.	Преданіе о рязанской княгинѣ Евпраксіи	106—106
47.	Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ	106—106
48.	Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ	106—111
49.	Повѣсть объ убійствѣ злочестиваго царя Батые	111—111
50—104.	ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Новгородско-псковская литература	111—221
50.	Древнѣйшія преданія о Новгородѣ и ихъ смыслъ	111—114
51.	Новгородско-псковская литература	114—114
52— 94.	ГЛАВА ПЕРВАЯ. Новгородское литературное творчество	114—202
52.	О новгородскомъ литературномъ творчествѣ.	114—114
53— 71.	Новгородское устное творчество	114—164
53.	Новгородское устное творчество	114—114
54— 61.	Чисто новгородскія старины-былины	115—144
54.	Чисто новгородскія старины-былины	115—115
55— 58.	Василій Буслаевичъ	115—132
55.	Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ	115—120
56.	Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Василіи Буслаевичѣ	120—128
57.	Василій Буслаевичъ, какъ типъ новгородскаго боярина XIV в.	128—130
58.	Василій Буслаевичъ и Робертъ Дьяволъ	130—132
59— 60.	Садко богатый-гость	182—141
59.	Старины-былины о Садкѣ богатомъ-гостѣ	132—137
60.	Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Садкѣ	137—141
61— 61.	Гость Терентьище	142—144
61.	Старины-былины о гостѣ Терентьищѣ	142—144
63— 71.	Новгородскія старины-былины киевскаго цикла	144—164
62.	Новгородскія старины-былины киевскаго цикла	144—144
63— 64.	Ставрѣ Годиновичѣ	144—149
63.	Старины-былины о Ставрѣ Годиновичѣ	144—147
64.	Комментаріи къ старинамъ о Ставрѣ Годиновичѣ	147—149
65— 66.	Соловей Будимировичъ	150—155
65.	Старины о Соловѣи Будимировичѣ	150—152
66.	Комментаріи къ старинамъ о Соловѣи Будимировичѣ	152—155
67— 68.	Хотѣиъ Блудовичѣ	155—158
67.	Старины о Хотѣиъ Блудовичѣ	155—157
68.	Комментаріи къ старинамъ о Хотѣиъ Блудовичѣ	157—158